

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 28. Буэнос-Айрес, август 2015

Преображение Римской Империи при Константине Великом

Начало нового тысячелетнего пути

«Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и распросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим.»
(Книга Пророка Иеремии, глава 6, стих 16).

Возрождение требует преобразования, а не перестроек

Многие современные явления в мире нумолимо напоминают аналогичные ситуации давно прошедших времён. Например, в IV веке после Р. Х. тогдашний цивилизованный мир находился перед весьма схожими проблемами. Римская Империя, приблизительно с середины третьего века после Р. Х., вступила в глубокий кризис, вызванный не только **устремлением варваров на территорию тогдашней цивилизации**, но также, главным образом, и глубоким **нравственным и культурным разложением** самой этой цивилизации, не говоря о перманентных экономических и политических в ней неполадках.

Интересно, что именно с этого момента в Римской Империи начинается период военных императоров, уроженцев тогдашней Иллирии, чья территория совпадала приблизительно с территорией бывшей Югославии. Очевидно, тогда считали, что военные лидеры могут лучше справляться с упадком и застоём. Самым известным из них был император Диоклетиан (245 – 313), чей дворец в городе Сплите, в Далмации, сохранился частично до сих пор. Он был иллирийцем, внуком вольноотпущенного раба, и родился в 245 году в сегодняшнем городе Скадар, на границе между Албанией и Черногорией. Диоклетиану пришлось воевать практически со всеми соседями Римской Империи, чтобы утвердить её границы, что ему в значительной мере и удалось. Во внутренней политике, он закончил процесс ликвидации суверенной власти Сената и утвердил в Империи абсолютное единовластие Императоров.

Диоклетиан предпринимал титанические усилия, чтобы преодолеть надвигающийся коллапс Римской Империи, прибегая для этого, в первую очередь, к глубоким административным **перестройкам**. Он разделил административно Империю на две половины, каждую со своим императором, с титулом августа, а затем каждую половину еще раз разделил пополам, поставив во главе вторых половин подсобных императоров с титулом кесаря. Кесарем, то есть подсобным императором, в западной части Римской Империи стал тоже иллириец, римский воин – Констанций Хлор, отец Константина

Великого, со столицей в рейнском городе Треверис, сегодня Трир. В 305 году Диоклетиан и его август-коллега Максимилиан подали в отставку и удалились на покой (Диоклетиан в город Сплит, в Далмации, где он и скончался в 313 году). Их заменили Галерий и Констанций Хлор. В 306 году Констанций Хлор умер, и его место заступил его сын Константин, родившийся в городе Нише, на юге Сербии, тоже римский воин.

Вскоре стало очевидным, что от перестроек и расчленений Диоклетиана положение в Империи отнюдь не улучшилось. Перестройки почти всегда являются лишь бесплодным **эрзацем подлинного возрождения**. Наоборот, положение в Империи еще больше усложнилось, из-за созданной Диоклетианом системы многовластия («четверовластия», так называемой «тетрархии»). Наступил период перманентной гражданской войны между «тетрархами», предел каковой и был положен императором Константином Великим, с помощью его интегральной программы устойчивого возрождения, которая продлила жизнь римского государства и греко-римской цивилизации на одиннадцать веков.

Главные причины вырождения

Вырождение государства всегда следует за **отходом от собственных начал** и за **искажением или ликвидацией своих коренных учреждений**. Об этом имеются предупреждения уже в Ветхом Завете: *«За то, что они постановлений Моих не исполняли и заповеди Мои отвергли. И попустил им учреждения недобрья и постановления, от которых они не могли быть живы».* (Иезек. 20, 24-25). Посему, подлинное возрождение требует предварительного восстановления своих собственных искаженных или отвергнутых коренных начал, а не перетасовку идеологических домыслов.

Известный русский историк Михаил Валерианович Зызыкин (скончавшийся и похороненный в Аргентине), обратил внимание на то, что начало периода военных императоров в Риме совпало с концом верховной власти Римского Сената, учреждённого в самих истоках Римского Государства: *«Вопрос о том, кому подчиняться, в каких пределах, во имя чего, ставится и в современной Европе, **стоит и перед нами русскими**. Ища уроков в истории, взор невольно останавливается перед характером того решения, которое было дано этому вопросу римским гением в течение страшного кризиса III века нашей эры, явившегося **следствием уничтожения исконной власти Сената военными бунтами**. Римский Сенат был той **традиционной властью**, которая в течение веков руководила государством и довела его до величайшей мощи, и в течение I и II века, когда республика превратилась в Империю, эта власть стояла на страже законности и своим избранием узаконила власть императоров. Цель и назначение Великой Империи было внесение в мир **начал справедливости и рационального права**. Это было воплощение Аристотелевского учения о том, что стремлением государства должно быть не богатство, не могущество, а **добродетель**. И ещё в начале III века процветали наука, искусства, архитектура, литература, образование, земледелие, промышленность, торговля. Но в конце того же века исчезла и управлявшая государством аристократия, разорившаяся и **утратившая традиции**, исчезла и цветущая цивилизация, созданная веками, ибо в результате анархии явилось всеобщее понижение интересов, экономическое разорение и уменьшение населения. Причиной этой грандиозной перемены было именно **уничтожение традиционной власти**. Когда после революции 235 года римские легионы свергли императора Александра Севера, настало время, когда один император свергался за другим меняющимся настроением легионов и переменным успехом постоянных гражданских войн. Если раньше законность Императорской власти определялась избранием традиционного учреждения, то теперь она являлась результатом силы, случая, настроения, и жизненный строй потерял всякую устойчивость. **Исчез принцип законности.**» (М. В. Зызыкин. Патриарх Никон. Варшава, Синодальная типография, 1931-1938).*

Другой известный русский учёный (тоже эмигрант), Михаил Иванович Ростовцев считает, что главной причиной кризиса Римской Империи было иссякание творческой энергии у римской элиты, римского ведущего класса. Хотя Римская Республика и продолжала формально сохранять свои два аристократических сословия, класс сенаторов и

класс всадников, они перестали быть хранителями реальной власти и творческого руководства и стали постепенно вырождаться. В результате, падала также и экономическая производительность, а затем наступил и всеобщий социальный и государственный кризис. Подмена свободного творчества, в рамках легитимного политического строя, бюрократическими и милитаристическими методами и структурами, в рамках политических манипуляций, всегда ведёт, в конечном итоге, к застою и к общему упадку, а затем и к краху, если вовремя не начнётся возрождение. Известный английский историк Арнольд Тойнби считает, что крах микенской культуры в Древней Греции в XII веке до Р. Х. в основном тоже был вызван аналогичными причинами. (**Arnold Toynby, *The Greeks and their Heritages.***)

Сам Диоклетиан, по-видимому, чувствовал недостаточность своих бюрократическо-административных перестроек, а посему он и обрушился с гонениями на христиан, видя в них угрозу для старой языческой римской религии, каковая являлась фундаментом Римской Республики. Однако, римская религия уже давно изжила сама себя, растворившись в нескончаемом потоке разнообразных языческих верований, нахлынувших и затопивших полностью Рим, так что спасти государство с её помощью было невозможно. Значит, Христианство не было причиной смерти этих уже умерших верований, а **целебной им сменой для новой жизни** и надеждой для преобразования общества и государства.

Искажение первоначальных учреждений

Тит Ливий, описывая учреждение Римского Государства, указывает, что первыми и «славнейшими учреждениями», созданными Ромулом, основателем и первым Царём Римской Республики, были **Авгуры и Сенат**. Цицерон, в своем труде «О государстве» (*De republica*), утверждает, что суть римской государственности заключалась в учреждении Ромулом «*двух наивысших основ нашего государства*», каковыми являются **Авгуры и Сенат**. «*В республике основной и самый важный порядок опирается на авторитет авгуров*». (*De legibus* 2, 31) Таким образом, авторитарный строй римской республики определялся религиозным авторитетом авгуров и политическим «авторитетом отцов» (*auctoritas patrum*), то есть сенаторов-патрициев. («Аугурум» и «аукторитас» происходят от глагола *augere* – увеличивать, приумножать, прибавлять. Цицерон намекает на общий корень этих двух слов). Ортега-и-Гассет обращает внимание на то, что Цицерон ставит на первое место авгуров, а не Сенат, что «*выявляет тот строгий смысл, который для римлян имела религия... Понятия верований и государства взаимно проникаются*». (**Ортега -и-Гассет. *О римской империи.***) Таким образом, первая в мире Республика была образована в 753 году до Р. Х. из четырёх элементов или учреждений:

1. Самого учредителя Республики, её первого **Царя** – Ромула, а затем его наследников.
2. **Священнослужителей-авгуров**, необходимых для легитимной инаугурации царствования и для утверждения выборов и решений магистратов.

3. **Сената**, из назначенных Царём старейшин, для утверждения всех должностей в Республике и для консультаций Царём. Первоначально было сто сенаторов, по одному от каждого из первоначальных родов, учредивших Рим. Когда произошло соединение трёх соседних племён, образовавших Римскую Республику, число сенаторов увеличилось до трехсот. Диктатор Силла удвоил число сенаторов до шестисот. Сенат своим существованием обеспечивал устойчивость и стабильность Государства, ибо **в случае смерти Главы Государства вся власть переходила к Сенату**. В таких случаях, Сенат выбирал из своей среды одного сенатора, в качестве «*между-царя*» (*inter-rex*), на несколько дней, а затем повторял эту операцию доколе было нужно. Значит, **Сенат в Риме был постоянным регентским советом**, обеспечивающим бесперерывное функционирование высшей государственной власти и **сохранение установленного геополитического и аксиополитического курса государства**, даже в моменты обезглавления верховной власти, по любой причине. **Сенат обеспечивал устойчивость**, длительность и продолжительность реальной политической власти в Риме. Римский Сенат был своего рода **осадком опытной политической элиты** римского государства. Известный историк Теодор

Моммзен определяет Сенат Рима следующим образом: «Сенат – это учреждение, образованное из мужей не только **назначенных** в силу своего происхождения, но также и **выбранных** волей народа, каждые пять лет **подтверждаемых** нравственным трибуналом (цензоров). В Сенате состояли пожизненно лишь **самые достойные** (граждане), **свободные от краткосрочных мандатов и от меняющегося мнения толпы...** Сенат включал в себя весь **политический ум** и весь **государственный опыт нации**». (Теодор Моммзен. Римская история. Книга II, глава III, 33).

4. Созываемого Царём **Народа**, для участия в инаугурациях и для выдвижения в будущем, по мере необходимости, кандидатов, для апробации Авгурами и Сенатом на должности Магистратов Республики. Для народа и было образовано само государство, каковое состояло из Сената и Народа, как и было указано в его официальном имени: Сенат и Народ Рима: *Senatus Populusque Romanus* (SPQR). Посему, в Риме только Народ, а не Царь и не Сенат, имел **право на помилование** осуждённых преступников. Лев Тихомиров поэтому считает, что Римская Республика **по существу** была демократией. Однако, по своему функционированию она была смешанным политическим строем, с монархическими, аристократическими и демократическими элементами. (Лев Тихомиров. *Монархическая Государственность*. Буэнос-Айрес, 1968.)

5. После учреждения двух консулов в 510 году до Р. Х., в Риме развивается система годовых **Магистратов**, назначаемых Сенатом, на основании кандидатур предлагаемых Народом, затем утверждаемых Авгурами. Было несколько степеней рангов Магистратов: квесторы, эдилы, преторы, консулы, цензоры, которые нужно было проходить по порядку, без перескакивания, начиная с самой низшей категории. Между категориями рангов были обязательные перерывы. Это называлось «курсом чести» (*cursus honorum*). Уже после отбытия годовой службы на низшем ранге, бывший магистрат кооптировался Сенатом в своей состав. Таким образом, ежегодно в Сенат пожизненно вливалось десять бывших квесторов. Значит, кандидатами на все дальнейшие ранги Магистратов могли быть только лишь сенаторы. Раз в пять лет, два Цензора (тоже члены Сената, бывшие консулы) проверяли списки всех сенаторов, и могли вычеркивать безапелляционно из них тех сенаторов, которых они считали недостойными.

Эта первоначальная **политическая конституция** Римского Государства была первой в мире Республикой, буквально «**Общим делом**» или «**Публичным делом**». Она уже была намечена в период царей, «*когда в нашей Республике были Цари*», пишет Цицерон. Это была сложная система **самосохраняющегося внутреннего политического равновесия**, для защиты собственной идиосинкразии и собственной шкалы ценностей и для обеспечения исторической устойчивости этого строя и для предотвращения грубых ошибок руководства, ведущих к бедствиям. Это был смешанный политический строй, с элементами монархии, аристократии и демократии, не допускающий создания демагогически **манипулируемого политического хаоса**, как в демократиях. Таким образом, этот сложный строй во многом соответствовал, описанным Платоном, Аристотелем и Полибием, смешанным политическим режимам, которые Аристотель назвал «политией» в своей классификации политических режимов, а Цицерон затем перевёл на латынь как «республика». Эта сложная структура подвергалась в течение веков частичным изменениям, в рамках исторических процессов. Эти изменения всегда происходили в согласии с общим духом римской **исторической конституции**, т. е. коренной «**политии**» Рима. Калабрийский профессор Доменико Минутто называет такую политику «**образом бытия и жизни**» (Domenico Minutto. *Politeia: modo di essere e di vivere*. Rivista di Teologia Nicolaus.) В основном, согласно этой римской неписаной исторической конституции, **политическая власть должна всегда находится в реальном согласии с верованиями, нравами и бытом народа**. Кроме того, никакие римские учреждения и должности никогда формально полностью не отменялись, а лишь преобразовывались, в согласии с практическими необходимостями.

Л. А. Тихомиров считает верования народа частью «**социального фундамента государства**», каковым является «**нация**». (*Монархическая Государственность*, Буэнос-

Айрес, 1968, стр. 30) Верования выражаются более всего в верховной власти, «которая есть конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало». (Там же, 33) «В той или иной форме верховной власти выражается **дух народа, его верования и идеалы**, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни». (Там же, 67) Лишь, «если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, количественная, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому». (Там же, 68) «Верховная власть... выражает весь дух, предания, верования и идеалы народа». (Там же, 80)

Нужно отметить три большие конституционные реформы в Риме:

1. Через два с половиной века после учреждения Римской Респубки, произошла первая большая реформа её политического строя. В 510 году до Р. Х **функции пожизненного Царя были ограничены и сведены лишь к религиозным обязанностям жертвоприношений** от имени всей Республики. Так Царь стал Священным Царём – Rex Sacrorum, а его Imperium (верховная власть) и военные и судебные функции были переданы двум новым годовым сановникам, сперва названным Верховными предводителями (Pretor Maximus), а затем Консулами («вместе выступающими», как в танцах.) В случае чрезвычайной нужды, любой из двух консулов мог назначить, сроком не более чем на шесть месяцев, одного Диктатора, из числа тех сенаторов, которые раньше уже исполняли должность Консула.

2. В 49 году до Р. Х. **Юлий Цезарь соединил в своем лице**, с согласия Сената, **должности пожизненного Диктатора и Верховного Понтифика**, одновременно ставшего и **Авгуром**. Так было **нарушено разделение между политической властью и религиозным авторитетом**, хотя и был сохранён «авторитет отцов» («auctoritas patrum»), т. е. авторитет тех сенаторов, которые были «патрициями», т. е. потомками первых сенаторов-отцов, назначенных Ромулом. В этих последних реформах, вынужденных гражданскими войнами во времена Юлия Цезаря и Августа, заключался ряд глубоких противоречий. Уже Юлий Цезарь понимал необходимость восстановления полной единоличной Монархии, особенно ввиду территориально сильно увеличившейся многонациональной Римской Империи. (Империя уже была и при Республике, ибо она обозначала **общую Верховную власть над разными народами**). Ему однажды даже публично преподнесли в ипподроме Рима диадему (царскую корону), но он тут-же отказался от неё, услышав неодобрительный гул толпы. Лишь во второй половине третьего века римские императоры начали носить диадему, но при этом они одновременно стали величать самих себя на своих монетах также и «богами». Так они возымели **тройные функции**: царей, первосвященников и даже «богов». Для христиан такое величание было абсолютно неприемлемым. Значит, политическая конституция Империи уже не совпадала с верованиями значительной части её народа, а посему и перестала быть легитимной.

3. С 235 года после Р. Х., провозглашение легионами очередных императоров больше **не представлялось на утверждение Сенатом**.

Таким образом, все три учреждённые при основании Рима основные институции – Царь, Авгуры и Сенат – быди лишены их первоначальных основных функций и прав, хотя и не были номинально ликвидированы. **Программа возрождения** Константина Великого в основном заключалась в принципиальном **восстановлении этих первоначальных римских государственных функций**, даже несмотря на невозможность точной реставрации их первоначальных органов в их первоначальной форме.

Возврат на первоначальные пути

Константин Великий поначалу занялся благоустройством своей германской территории, следы каковой деятельности, по крайней мере в области архитектуры, сохранились частично и по сей день в Трире. Однако, как и все великие гении истории, он вскоре убедился, что подлинное спасение не в административных перестройках и не в

политических манипуляциях, а в глубоких государственных реформах, при творческом нахождении новых широких и прямых путей в будущее, на своих собственных исторических фундаментах. Об этом уже в Ветхом Завете было совершенно ясно сказано: **«Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и распросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим.»** (Книга Пророка Иеремии, глава 6, стих 16).

Первым таким «путём добрым» святого Константина был **возврат к единоначалию и к преодолению расчленения, для восстановления единства Империи.** Это было достигнуто военным путём. Рядом победоносных войн со своими соперниками, Константин Великий добился единства высшей власти в Империи, ликвидировав для этого все перестройки Диоклетиана. Он также понял, что с инфляцией и с экономической разрухой бессмысленно бороться одними лишь бюрократическими запретами и декретами, как это пытался делать Диоклетиан. Посему, Константин Великий ввёл новую золотую монету, «солидум», как средство денежного обращения в Империи, просуществовавшую затем более семи веков и после него.

Более трудным и более длительным был **процесс возврата к подлинной монархии,** ибо для этого требовалось преодолеть ряд предыдущих преобразований и перестроек, совершенных в течение многих веков, а также и учесть новое религиозное положение в Империи. Константин Великий понимал, что высшая власть в Империи, которую он снова унифицировал, всё-же не была **верховой** властью, и даже не была монархической властью, в полном смысле этого слова.

Дополнительный конституционный принцип

Святой Константин Великий *«являлся представителем не какой-либо, хотя бы и христианской, народной воли, а выразителем народного нравственно-религиозного идеала».* Он был «новым монархом», который *«выступил властью **верховною... но не безусловною, не абсолютною».** Ибо, **«для того, чтобы нравственное начало могло оказывать свое благотворное влияние на политические отношения, необходимо, чтобы источники зарождения и созревания этики были независимы от государства. Государство есть область принуждения. Этическое начало, по существу, самобытно и свободно».** (Л. А. Тихомиров, *Монархическая Государственность*, Буэнос Айрес, 1968, стр. 143 и 466)*

Если императорская власть в Риме до этого и была абсолютной в области управления, всё-же она не зиждилась на принципе **верховой власти.** Учрежденная во времена Августа, Римская Империя еще не была настоящей монархией, а лишь **пожизненной диктатурой,** эрзацем монархии. С политической точки зрения, монархия уже тогда была нужна, но общее нравственно-общественное положение в Империи еще не допускало монархии. Высшая власть самого Августа конституционно определялась тремя римскими республиканскими титулами: **принцепса** (*princeps* — первый сенатор, сенатор, открывающий заседание), **диктатора и народного трибуна,** с одновременным присоединением, еще со времён его предшественника Юлия Цезаря, также и титула верховного жреца (*Pontifex maximus*). Диктатура, по самому её замыслу, была **чрезвычайным** и кратковременным (шестимесячным) конституционным учреждением Римской Республики, а не пожизненной должностью. Совмещение со времён Августа в одном лице исполнительных функций пожизненного диктатора с функциями пожизненного «народного защитника» (трибуна) еще категорически не нарушало учредительный замысел римского государства. Должность трибуна по традиции была священной, а посему она предоставляла лишь дополнительную личную юридическую защиту диктатору в кризисные времена. Однако совмещение этих должностей с титулом «верховного жреца» категорически нарушало первоначальный замысел Римской Республики, а посему и было **революционным,** т. е., в переводе на греческую терминологию, **катастрофическим.**

Константин Великий понял, что *«государство не может существовать без какого-либо идеократического элемента, без нравственного смысла. Империя Римская уже*

утратила свой идеократический элемент, и разлагалась именно от того, что не могла его почерпнуть в разлагающемся античном мире». (Л. А. Тихомиров, там-же, стр. 138). Главным поворотом императора Константина в имперской политике было обращение его взора к практически единственным здоровым элементам, продолжавшим существовать в его государстве, несмотря на все процессы распада. Этой сокровищницей благих начал в тогдашнем обществе, как и в нашем сегодняшнем, было Христианское учение. Однако христиане отнюдь не преобладали численно, ибо христиан тогда в Империи, по-видимому, было всего лишь около десяти процентов всего населения. Причем, в городах христиан было больше, чем в деревнях. Также и в армии в процентном отношении их было больше, чем среди остального населения. Еще больше их было среди **имперской элиты**, т. е. ведущих элементов общества и армии, чему ярким примером был Святой Георгий Победоносец, выдающийся военный трибун и член императорской свиты, замученный по приказу Диоклетиана в 303 году, за то, что он не хотел поклоняться языческим идолам. Самое главное, христианские принципы и концепции сами по себе были лучше во многих отношениях остальных концепций и убеждений, имевшихся в тогдашнем обществе, а качественно сами христиане были среди лучших граждан Империи.

Неписаная конституция Римского Государства с начала его существования основывала свою **легитимность на согласии государственных структур и государственной символики с народными верованиями**. Несокрушимое развитие Христианства, несмотря на все гонения, выбивало эту легитимность из под ног языческого Римского Государства. Кроме того, если и был «консенсус» для превращения императорской диктатуры в монархию, то «консенсус» для слияния фигур монарха с «божеством» для значительной части населения был абсолютно невозможным. Подлинная историческая заслуга Константина Великого заключается в том, что он ясно увидел необходимость **разделения** между категориями монарха и «божества», с упрочением первой категории и с ликвидацией второй. В таком разделении, затем подтвержденном отказом императора Горация, в затем и Феодосия Великого в конце IV века от титула верховного жреца, можно видеть корень православной доктрины **симфонии**, окончательно конституционно оформленной императором Юстинианом Великим через двести лет, в 530 году.

Константин Великий имел в 313 году видение Креста Господня с надписью «**Сим победиши**». Он мгновенно воздвиг над войском Рима **новое Знамя**, с изображением Креста. С этим победным Знаменем он побеждает, и с тех пор оно становится Знаменем Христолюбивых Воинств Римской, Византийской и Российской империй. Больше того, под этим Знаменем возникает и само Христолюбивое Воинство, как таковое. Вскоре, это понятие фиксируется навсегда святым Иоанном Златоустом в Христианской Литургии, во время которой многократно возносятся моления за «Филохристу страту» (Христолюбимое воинство). Однако, было бы неправильно думать, что в результате воздвижения этой новой символики совершилось мгновенное преобразование Империи, из языческой в христианскую. Исторические процессы **никогда не бывают мгновенными**. Они всегда являются весьма длительными, и лишь отдельные вспышки на тех или иных поворотах этих процессов бывают мгновенными.

Константин Великий в 313 году даровал своим Миланским Эдиктом Христианской Церкви и христианам **свободу, наравне с другими верованиями**. Одновременно, Миланский эдикт вернул Христианской Церкви отобранное у неё во время гонений недвижимое имущество. Два года тому назад, в 2013 году, исполнилось 1700-летие этого эпохального исторического события. Это был акт терпимости по отношению к Христианству, акт поистине великолепный, после всех предыдущих кровавых и жестоких гонений, но его значение было гораздо важнее с римской конституционной точки зрения. Он подводил **легитимный фундамент под трансформацию императорской должности, понимаемой в смысле пожизненной диктатуры, в царское достоинство**. «В привнесении этой новой идеи, христианской монархии, и состоял переворот, произведенный им, благодаря которому он **продолжил жизнь Римской Империи еще на 1.000 лет, в ея Византийской переделке**.» (Л. А. Тихомиров, там же, стр. 141).

Титул Императора первоначально в Риме обозначал лишь генерала-победителя, триумфатора, затем к нему прибавилось значение также и пожизненного Диктатора и пожизненного Народного трибуна (представителя и защитника народа). Теперь же Император становился одновременно и Царём, на подобие первых семи царей Рима (из которых четыре царя не были римлянами: один царь был сабинянином, а три царя были этрусками). Эти первоначальные Цари Рима, с латинским титулом Rex, имели коренной функцией совершать жертвоприношения римским богам от имени всех римских граждан. Во времена же Константина Великого это уже стало невозможным и ненужным, ибо римские граждане стали исповедовать разные религии и верить в разных богов. Уже два с половиной века до этого, Апостол Павел публично подтвердил, что он **римский гражданин**, хотя и **не верит в римских богов**. Это была уже иная конституционная ситуация, требовавшая новых политических форм.

Посему, 1700 лет тому назад, в своем Эдикте восточным провинциям Империи, через пару лет после Миланского эдикта, Константин Великий провозгласил новый конституционный принцип: **«В вопросах веры, каждый должен следовать велениям своего сердца»**. Сам Царь стал гарантом этой новой свободы всех граждан, и таким образом **восстановил симфонию между Верховной властью и верованиями народа**, ставшими многоконфессиональными. Через шестнадцать веков это подтвердил затем и другой православный Царь, Николай Второй: *«Я не Царь только русских, но я Царь всех моих подданных...»*. Для римских граждан, продолжавших придерживаться предыдущей римской языческой религии, Константин Великий сохранял титул Верховного Понтифика. Через шестьдесят лет, римский Император Грациан отказался от этого титула Верховного Понтифика и приказал убрать из Сената алтарь римской богини Виктории (Победы). Затем, в Новом Риме (Константинополе), император, испанец, Феодосий Великий подтвердил этот отказ, ибо в Сенате уже не было больше приверженцев старой римской религии, т. к. все сенаторы стали христианами.

Так были исправлены предыдущие конституционные римские реформы: **была восстановлена Царская должность**, вместо должности пожизненного Диктатора, но при этом **были снова отделены от этой должности функции Авгура и Верховного Понтифика**, ибо – согласно Евангелию – Кесарю надо давать лишь ему принадлежащее. Имперский Сенат был переведён в Новый Рим, хотя и в старом Риме продолжал еще некоторое время существовать местный городской Сенат. Многие сенаторские семьи переехали тогда из Рима в Константинополь, где они получили землю от Константина Великого. Правда, полного восстановления своего бывшего необычайного уникального суверенитета времён консульского периода Сенат не получил, ибо сам этот период оказался преодоленным возвратом к монархии. Однако Сенат продолжал быть краеугольным камнем имперской системы учреждений, а также и пользоваться большим авторитетом, вскоре под греческим названием Синклита («**Созванные**»). Без согласия Синклита и Патриарха никто не мог быть легитимным Царём в Новом Риме (Константинополе). Кроме того, Синклит в Константинополе наблюдал за работой всех высших государственных органов. Можно сделать заключение, что эта соборная структура преобразенной Римской Империи, со столицей в Константинополе, была увенчана тройственным возглавлением её общественно-политического строя: **Царя, Патриарха и Синклита**, в то время, как первоначальная Римская Республика, учреждённая 11 веков до этого, возглавлялась Царём, Авгурами и Сенатом.

Новые горизонты на добрых путях

Таким образом, Константином Великим были подрезаны, как плохо разросшиеся ветки на дереве, отрицательные последствия прежних политических реформ в Римском Государстве, накопившиеся в течение веков, и вызвавшие некоторые отклонения от его первоначальных принципов и структур. В основном, была восстановлена первоначальная

система Римской Республики: царской власти, действовавшей всегда совместно с Сенатом, с учётом верований народа и нравственного авторитета его священства.

Эти преобразования святого Константина Великого были сами по себе сильным толчком для длительного и устойчивого нравственного, политического и культурного возрождения Римского государства и для сохранения в его рамках предыдущих достижений цивилизации. Однако, необходимо отметить, что кроме этих корректур прежних преобразований, Константин Великий наметил также и ряд **новых исторических тенденций и путей**, без которых Римское Государство не смогло бы продлить свое существование еще на одиннадцать веков, после, уже тогда прошедших, его первых одиннадцати веков. Эти новые исторические направления продолжают быть актуальными и в наши дни. Их можно свести в основном к следующим трём:

1. Перенос геополитического «центра тяжести» Империи с Запада на Восток. Этот процесс начался задолго до Константина Великого, по-видимому уже со времён императора Тиберия, приемного сына Августа, которому удалось окончательно усмирить Иллирию и начать процесс романизации этой территории, являвшейся связующим мостом по суше между Италией и Грецией. Сам Тиберий воздвиг себе резиденцию на острове Капри. Затем, император Диоклетиан временно переносил столицу Империи в Никодемию, а Малой Азии, в приблизительно ста километрах на юго-осток от будущего Константинополя. Окончательный перенос в 330 году имперской столицы из Рима в «Новый Рим», построенный Константином на месте прежнего местечка Византия, завершил эту тенденцию. Лев Тихомиров считает, что при этом играли большую роль не только геополитические, экономические и демографические соображения, но также и историческая необходимость создания новых условий и новых символов для новой эпохи. Это также сблизило тогдашнюю греко-римскую цивилизацию с другими восточными цивилизациями и культурами. Византийское искусство со временем включило в себя немало элементов восточных культур. Кроме того, новая столица Империи вскоре стала западным концом **великого шелкового пути** из Китая в Европу, а затем и южным концом **«великого водного пути из Варяг в Греки»**.

2. Идея государственной необходимости общего просвещения и образования. Именно со времён Константина Великого, в Византии (как мы сегодня называем Восточную Римскую Империю) зарождается сильная тенденция следовать учению Платона о **необходимости бороться с процессами политического вырождения и коррупции путём просвещения, воспитания** и учебной подготовки кандидатов в правители. Эта тенденция на первый взгляд мало заметна, но она неумолимо присутствовала во многих мероприятиях, структурах и нормах Византии. Константинопольский университет был, по-видимому, учрежден самим Константином Великим, а затем реформирован в 425 году императором Феодосием II Младшим. Императором Феодосием был назначен 31 профессор, для преподавания филологических и философских наук, права, медицины и астрономии. В дальнейшем, новые профессора должны были сдавать экзамены перед Сенатом. Оклады профессоров были весьма значительными, причем они получали от государства шелковые одежды и подарки к Рождеству. Через 20 лет преподавания, они получали титул графа первой степени и становились членами императорской свиты. Константинопольский университет был частично реформирован в 845 году, а затем и в 1045 году. Эта последняя реформа сохранила двуязычный (греческий и латинский) характер университета и была реализована императором Константином Мономахом, дедом великого князя Владимира Мономаха. Кроме этого константинопольского университета в Византии существовали и другие высшие учебные заведения, например в Александрии, до её завоевания арабами, и школы при библиотеках. В столичных городах всех провинций Византии существовали средние школы, а в провинциальных городах и многих деревнях – начальные. Церковные семинарии и высшие богословские школы существовали отдельно. В Византии было практически невозможно достичь высших государственных должностей без обладания высокой культурой. Население Византийской империи вообще имело гораздо более высокий средний уровень образования, чем варварская Западная Европа.

3. Идея правового государства при кодификации законов. Именно в Византии, начиная с самого Константина Великого, формируется и утверждается **идея правового государства**, в котором правовой строй является его конституционной основой. Лев Тихомиров считает, что этому способствовало возрождение подлинной верховной власти: *«Особенно характерны все законы, и их мотивировка, в отношении того, где выражалась сама сущность верховной власти. Так, он (Константин Великий) считал дело правосудия, особенно лежащим на нем, как на представителе власти Божией. Кроме разных мер к улучшению механизма суда, Константин заявил принцип: “Мы думаем, что должно более принимать во внимание справедливость, нежели положительный закон”.* Применение этого возвышенного воззрения было, однако, предоставлено им только власти верховной. Судьи же должны были соотноситься с положительным законом. При этом Константин дал судьям право обращаться к нему лично для разъяснения сомнительных случаев, но осужденный по такой консультации с Императором – всётаки сохранял обычное право апелляции.» (Л. А. Тихомиров, там же, стр. 142).

Император Феодосий II Младший издал в 438 году в Константинополе Уложение римских законов (Codex Theodosianus), ставшее первым источником римского права в новых варварских государствах Западной Европы. Через сто лет, император Юстиниан Великий издал свой монументальный Свод Законов. К тому времени, «Двенадцати таблицам», первому своду римских законов, было уже около тысячи лет. Количество старых римских и новых имперских законов приняло такие громадные размеры, что император Юстиниан решил уложить их в новое собрание. В 528 году началась работа комиссии десяти юристов (наподобие римских децемвиров, назначенных в 451 г. до Р. Х. для составления «Двенадцати таблиц»). Уже в 529 году был готов Codex Justinianus, со всеми имперскими законами, начиная от императора Адриана. В 533 году были опубликованы Pandectae, являющиеся сводкой двух тысяч старых римских юридических книг, и Institutiones, руководство по гражданскому праву для студентов. Эти труды были написаны по-латыни, уже непонятной большинству населения восточной части Римской Империи, почему и были сделаны их сокращенные переводы на греческий язык. Так было *«сохранено римское право, которое нам дало юридические основные начала, управляющие большинством наших современных обществ» (А. А. Васильев. История Византийской Империи.)* В дополнение, император Юстиниан издал ряд новых законов, зачастую уже по-гречески, получивших название «Новелл» (Novellae leges). В 12-м веке Кодекс, Пандекты, Институции и Новеллы были собраны в один Corpus juris civilis.

4. Идея и практика многонациональной империи, отличающейся от псевдоимперий участием элит периферийных меньшинств в общеимперском культурном творчестве и в центральном управлении всей Империей, согласно замечанию современной итальянской учёной Сильвии Ронкей. В её труде «Византийское государство», она особенно подчеркивает, что, в течение всего этого **тысячелетнего государственного эксперимента**, *«Константинопольское царство было светским государством, управляемым многонациональной, просвещённой и космополитической элитой, в согласии с римским правом».* (Silvia Ronchey. Lo Stato bizantino. 2002, Torino).

Результатом всех этих новых макроисторических направлений было перманентное **возникновение циклических периодов духовных и культурных возрождений** в Византии, как, например, в XI, XIII и XV веках. Известный византинолог, тоже русский эмигрант, А. А. Васильев пишет: *«В то время как Империя Палеологов проходила критический период в политическом и экономическом отношениях, отступая шаг за шагом перед турками, сокращая свои размеры до Константинополя и его ближайших окрестностей, до того, что казалось невозможной никакая духовная жизнь в таких условиях, несмотря на это Константинополь и вообще агонизирующая Империя были очагом блестящей цивилизации в литературе, науках и искусствах. Константинопольские школы процветали как в лучшие времена Империи, и в них устремлялись не только молодые люди из отдалённых регионов Греции, но также и из Италии...».* (Перевод с испанского: А. А. Vasiliev, Historia del Imperio Bizantino, Barcelona, 1946, стр. 338).

Византия всё время полностью сохраняла непрерывную преемственность с Античным миром и с его культурными достижениями. За последние два века своего существования она смогла передать свои культурные импульсы для возрождения не только к тому времени уже поработанной татарами Руси, но также и для возрождения Западной Европы, начиная с Италии. Эти культурные импульсы Византии имели **интегральный** характер, ибо включали религиозные, нравственные, интеллектуальные и художественные аспекты.

Ренессанс на Западе с самого начала ограничился лишь искаженным и частичным возрождением **дохристианской античной культуры**, в Византии сохранявшейся в синтезе со всеми последующими духовными и цивилизационными достижениями. На Руси же в первую очередь были восприняты религиозно-нравственные постулаты Византии, по наставлению святого Сергия Радонежского, Игумена Земли Русской, чье 700-летие со дня рождения мы отмечаем в прошлом 2014 году.

29 мая 1453 года, после долгой осады, столица Восточной Римской Империи, сегодня называемая Византийской, пала и была занята турками. Сражаясь простым воином на стенах Константинополя, пал и последний римский император Константин XI Палеолог, по сербской матери княжне Елене Драгаш также именовавшийся и Константином Драгаш. Его статуя, в классической форме римского воина, стоит на главной площади Афин, напротив афинского кафедрального собора. Константинополь был столицей Восточной Римской Империи в течение 11 веков, 24-х лет и 18 дней. Он был торжественно объявлен столицей Империи 11 мая 330 года, в день праздника Пресвятой и Живоначальной Троицы, под именем «Нового Рима». После смерти Константина Великого он был неофициально переименован в Константинополь. Славяне его называли **Царьград**, а сами жители, согласно одному арабскому свидетельству X века, просто **«Город»**, по-гречески «Стин Полин» (Styn Polin), название сегодня искаженное в «Стамбул».

Передача имперских титулов, символов и структур в Россию

На Руси титул **Самодержца**, по-гречески «Автократора», впервые употребляется при великом князе Владимире, после его крещения и после его венчания на византийской царевне Анне, дочери и сестре византийских императоров. Великая княгиня Анна была единственной сестрой византийского правящего императора Василия II Болгаробойцы (976—1025) и его брата-соправителя Константина VIII (976—1028) и дочерью императора Романа II. «Самодержец» был один из титулов византийских императоров, а до этого – **титул военных главнокомандующих в Афинской Демократии**.

Правнук Владимира Святого, киевский великий князь Владимир Мономах, сын другой византийской царевны, получил от своего деда, византийского императора Константина Мономаха, царскую корону и бармы (наплечники). Его иногда величали царём.

Великий князь Иван III, после его брака с царевной Софией Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI, в своих сношениях с Западной Европой именуется «царём» и употребляет византийский герб, с римским черным орлом на золотом (оранжевом) щите Константинополя, с добавлением московского герба святого Георгия. Эти два цвета – чёрный и оранжевый – сегодня образуют Георгиевскую ленту.

Внук царевны Софии Палеолог, великий князь Иоанн IV Васильевич Грозный, уже формально венчается на царство в 1547 году. В своей Грамоте царю Иоанну Васильевичу, от 1561 года, *«Иоасаф, Божьей милостью, Архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский патриарх»* подтверждает ему этот царский титул: **«Да будешь и ты между царями, как равноапостольный и приснославный Константин»**.

Святой Владимир, после Крещения и выбора принадлежности России к Православной Цивилизации, учредил **новый Синклит**, как и в Византии, сперва под названием «Старшей Дружины», затем **«Боярской Думы»**, которая **слитно и нераздельно** участвовала в Верховной Власти (Суверенитете) Князя, а затем Царя, что является оригинальным творческим созданием русской политической мысли и практики. Согласно Летописи,

Боярская Дума была им первоначально учреждена для **«думания об Уставах Земли Русской»**, как об этом заявило Московское посольство в Польше в 1610 году, во время Смутного Времени. По-видимому, эта институция «малого веча» развилась из общих индоевропейских общественно-политических концепций. В Риме она была усовершенствована и приобрела характер также и перманентного **регентского совета в междуцарствиях**.

На Руси, Боярская Дума стала краеугольным камнем неписанной Конституции Государства Российского, особенно после **учреждения Царской власти в 1547 году**. Царским решением от 1550 года, Боярская Дума получила возможность расширения в **Земский Собор**, через включение выборных представителей от всех сословий народа. Дума была Совещательной властью, созываемой Верховной Властью, для совместного с ней участия в этой власти, в размерах установленных Верховной Властью. *«Боярская Дума неотдѣлима отъ царской власти. Права ея не были опредѣлены закономъ, а держались, какъ фактъ бытовой на обычномъ правѣ. Общая законодательная формула была: „Царь указалъ и бояре приговорили“. Законъ представлялся, какъ результатъ неразрывной дѣятельности царя и Боярской Думы. Въ сферѣ административной вмѣстѣ съ царемъ она назначала центральныхъ и мѣстныхъ правителей. Веденіе текущихъ дѣлъ находилось подѣ постояннымъ контролемъ Думы.»* (М. В. Зызыкин. Патриарх Никон).

После создания Правительствующего Сената 22 февраля 1711 года, Боярская Дума больше не созывалась, хотя она никогда не была упразднена. Правительствующий Сенат перестал существовать с того момента, когда февральские мятежники инсценировали переворот политического строя в России в 1917 году, при полном игнорировании Правительствующего Сената, а сам Сенат не осудил эту государственную измену. Несмотря на прошедший долгий перерыв в функционировании Боярской Думы, она может быть сегодня снова созвана и этим самым ipso facto восстановлена, на подобие того, как было восстановлено в 1918 году Патриаршество, после двух веков его упразднения. Ведь назначение членов Думы из выдающихся лидеров страны зависит исключительно от Главы Государства Российского. Верховная Дума, имеющая характер **перманентного регентского совета**, гарантировала бы также и устойчивую преемственность высшей власти в России и стабильность самого Государства Российского, при любых условиях.

После уреждения Патриаршества в 1589 году, при царе Фёдоре Иоанновиче, в России была достигнута полнота имперского общественно-политического строя, в котором **Царь был Главой Государства и народа, Патриарх возглавлял Церковь**, являющуюся главной гражданской институцией народа, а Дума была **главным консультативным органом Царя и, совместно с Царём, руководила государственными структурами**. В такой тройственной системе не было места для негласных закулисных структур.

Буэнос-Айрес, август 2015 г.

(Месяц в честь первого римского императора)

И. Н. Андрушкевич

Все предыдущие номера «Русских тетрадей» помещены на блоге:

<http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar/>

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 28. Буэнос-Айрес, август 2015 года. IX год издания. Издается на правах рукописи.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. При использовании материалов ссылка на источник обязательна. Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com